



ЕЕ ДУША

ХАРЛИ ЛАРУ



INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Л25

Harley Laroux
HER SOUL TO TAKE

Copyright © 2021 by *Harley Laroux*
Cover by Opulent Designs



Перевод с английского *Елены Парахневич*

Лару, Харли.
Л25 Ее душа / Харли Лару ; [перевод с английского Е. Парахневич]. — Москва : Эксмо, 2026. — 432 с.

ISBN 978-5-04-229909-4

Рэй видит древнее зло сквозь объектив камеры, и теперь тени открыли на нее охоту. Ее единственным защитником становится Леон — опасный демон и палач проклятого города.

Чтобы спасти ту, что стала его сокровищем, хищник готов нарушить правила своего мира и объявить войну самой тьме.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-229909-4

© Парахневич Е., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*Посвящается моему мужу.
Лучику света в темноте.*

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

В книге содержатся откровенные сцены и эпизоды с изображением насилия. Описанные события — часть художественного вымысла и не являются руководством по сексуальному воспитанию или практике БДСМ. Некоторые эпизоды могут вызвать дискомфорт или быть неприемлемыми для читателей. Будьте осторожны!



1

ЛЕОН

— Во имя Обитателя Глубин была пролита кровь. Он пробудился.

Сам знаю, Кенту незачем зря сотрясать воздух. Смертные вечно талдычат прописные истины — будто я не способен уловить, как дрожит земля под ногами и гудят в напряжении старые корни. Словно я не слышу, как в темноте сгущается шепот, а щупальца древней непостижимой мысли тянутся вперед, исследуя пространство в поисках бреши.

Бетон, что погреб меня заживо, не мог заглушить этого трепета. Кенту нет нужды расхаживать взад-вперед и вещать пафосным тоном. Или, может, напыщенный болван ждет, что я, услышав новости, паду пред ним на колени?

Скрестив ноги в проклятом магическом круге я принялся точить когти о бетонный пол, не удостоив своего «повелителя» с прихвостнями даже взглядом. В ответ на громогласное заявление я лишь фыркнул — и, кажется, изрядно раздосадовал прибывших.

— Демон, ты меня слышал? — резко бросил Кент, сжимая в пальцах потрепанный кожаный томик с заклинаниями. Эта проклятая книжица всегда была при нем. Все равно что дубинка, занесенная над моей головой. Без гримуара

человек вроде Кента, лишенный магических способностей, не способен удержать меня и часа.

— Слышу, — устало вздохнул я, откинувшись назад и постукивая ногтями по полу. — Прости, Кенни, мальчик мой, что не прыгаю от радости. Раз ты бахвалишься тем, что твой древний божок удосужился зевнуть, значит, он еще не окончательно проснулся. А если так — силы, которой ты жаждешь, тебе не видать.

Его лицо угрожающе потемнело, и я понял, что еще пара слов — и мне точно достанется.

В плену ужасно скучно. Единственное развлечение здесь — прощупывать границы терпения своего хозяина, пока он не решится меня наказать.

Я пожал плечами.

— Ну да ладно. Ты же, наверное, с поручением. Пришел послать меня с очередным мелким заданием, а потом снова запереть в этой темнице. Слушаю и повинуюсь.

Костяшки его пальцев побелели. Все-таки в Кенте есть нечто аристократическое. В викторианском Лондоне он смотрелся бы не хуже, чем среди бизнес-элиты Сиэтла: темно-серый костюм, черный галстук с едва заметной полоской, безусловно уложенные седые волосы и характер — мрачный, как пасмурные небеса над Вашингтоном, и почти столь же непредсказуемый.

— Лучше побереги силы для предстоящего дела, демон, — процедил Кент сквозь стиснутые зубы, еле сдерживая ярость. — Хватит трепать языком. Или хочешь, чтобы я снова его оторвал?

Одна из фигур в белой хламиде у него за спиной хихикнула. Я злобно сверкнул глазами, но промолчал. Кент заставлял свою свиту носить длинные хламиды и маски из оленьих черепов, однако я знал, что двое безликих су-

ществ, постоянно его сопровождавших, — это отпрыски семейства Хэдли. От Виктории всегда несло едкой горечью искусственной ванили и химической косметикой, а от Иереми — дешевым дезодорантом и ядреным гелем для волос.

— Сегодня в полночь отправись на кладбище Уэстчерч, — приказал Кент. — Пойдешь тихо, чтобы тебя никто не заметил. Найдешь могилу Маркуса Кайнса. Выкопаешь тело. Засыплешь яму. Тело доставишь в шахту «Белые сосны». Все ясно?

Мне нравится мой язык. Растить новый — удовольствие сомнительное.

— Ясно, — ответил я.



В моей проклятой каморке не было часов, но я все равно почувствовал наступление полуночи. Мир слегка сдвинулся в сторону границы между Раем и Адом. Полночь всегда мне нравилась, как и возможность размять ноги, покинув магический круг.

Кент держал меня в нем практически все время, даже вырезал знаки в бетонном полу. Как и его отец и дед до него, он боялся, что, если выпустит меня без лишней надобности, я найду лазейку и вырвусь на свободу. Хорошо бы... Увы, у Кента есть книга с заклинаниями, а в ней — мое имя, последняя оставшаяся запись. С ее помощью он сумеет призвать меня в любой момент.

Вдобавок он опасался, что я, будучи крайне злопамятным, найду способ обойти правила и отыграюсь за все свои обиды — например зверски убью и его, и всю его родню до последнего колена. Это было бы весьма приятно — я даже

готов навлечь на себя гнев всех правителей Ада, лишь бы получить наконец возможность стереть эту семейку с лица земли.

Но, увы, прошло уже больше века, а я до сих пор у них в услужении. Честно говоря, это впечатляет. Ни одному человеку раньше не удавалось призвать меня и умереть собственной смертью. Не зря на Земле осталась лишь одна книга с моим именем — колдуны быстро поняли, что подчинить меня непросто, и сочли за благо держаться подальше.

За мной тянется шлейф из мертвых заклинателей. Не передать словами, как мне не терпится пополнить этот список.

Ночь выдалась холодной и туманной. На соснах осела роса. Кладбище Уэстчерч пряталось среди деревьев и почти не просматривалось с безлюдной дороги. Старые надгробья рядами выстроились на запущенной лужайке. Могилу Маркуса я нашел быстро: свежий холмик был увенчан простой плоской плитой.

Маркус Кайнс. Двадцать один год.

Именно его «пролитая кровь» пробудила божество Хэд-ли. Странно, что Маркуса вообще похоронили. Обычно, когда жертва принесена, тело сразу преподносят божееству в дар. Иногда — еще живое, чтобы тот позабавился на досуге. А тут — могила, кладбище. Как-то... неприлично даже.

Голыми когтистыми руками я быстро раскидал землю. Гроб оказался простым, деревянным, без каких-либо изысков. Когда я приподнял крышку, в нос ударил резкий запах формальдегида. Маркуса похоронили в самом дешевом костюме, а лицо его, густо обмазанное гримом, казалось восковым.

— Проснись и пой, — буркнул я. Перекинув тело через плечо, выбрался из ямы и бросил его рядом с кучей зем-

ли. — Погоди-ка, дружок. Не будем огорчать маму, не надо ей знать, что могилу сыночка осквернили.

Я поспешил засыпать яму и снова взвалил Маркуса на плечо, после чего направился в сторону шахты «Белые сосны».

Идти было недалеко, я добрался бы в два счета, если бы не мертвец, болтавшийся у меня на спине. Впрочем, гулять по лесу в компании покойника все равно приятнее, чем сидеть в бетонной темнице.

До места я добрался аккурат к назначенному времени — в самый разгар ведьминога часа. Начался мелкий дождь, и Маркус с каждой секундой вонял все сильнее. Сквозь трупный смрад и запах мокрой земли пробивался дымный аромат. Где-то жгли костер.

Кента и всю его веселую шайку я нашел глубоко в чаще, на склоне холма. Люди облачились в белые хламиды и маски с оленьими черепами. Их собралось не меньше двух десятков — они бродили между деревьями под черными зонтами и вполголоса переговаривались. Теперь понятно, почему этот захолустный городишко бурлит слухами о криптидах. Благодаря маленькому культу Кента под названием Либири почти каждый житель Абелума может поведать историю о живущих в лесу чудищах.

И, надо признаться, слухи эти недалеки от истины. Чудовища тут действительно есть. Только вполне себе человеческие.

Надевать хламиду не стала только Эверли, незаконнорожденная дочка Кента Хэдли.

Она была чуть старше Виктории и Иеремии. Хрупкая голубоглазая блондинка в своем обычном черном платье стояла в стороне от окружающих. Судя по лицу, юная ведьма была в ужасе от происходящего, а когда увидела

меня с трупом на плече, и вовсе чуть не грохнулась в обморок.

— Братья и сестры, наша жертва прибыла! — провозгласил Кент звучным, хорошо поставленным голосом: то ли южный проповедник, призывающий огонь и серу, то ли воспитатель детского садика, под клумбами которого прикопано с полдюжины тел.

Не передать словами, как бесил меня и этот тон, и манера щелкать пальцами, будто я ему цирковая обезьянка.

— Сюда. Клади.

Я с размаху швырнул Маркуса к ногам Эверли. Ее лицо на миг скривилось в болезненной гримасе. Что, узнала покойника? Может, учились вместе? Или сердечко дрогнуло, когда вдруг выяснилось, что «прелести смерти» в реальности куда грязнее и противнее, чем в отцовских речах?

— Раздень его, — велел Кент.

Я разорвал дешевый костюм будто бумагу. Обнажившаяся грудь была покрыта множеством колотых ран, которые не скрыл бы никакой грим; среди них выделялись корявые линии и руны жертвенного обряда.

Судя по виду покойника, работали небрежно, наспех, спустя рукава. Если не ошибаюсь, даже... спонтанно?

Я вскинул бровь и посмотрел на Кента, но тот, разумеется, проигнорировал невысказанный вопрос и молча кивнул Эверли. Юная ведьма, бледная как мел, опустила на колени и принялась изучать руны.

— Получилось, — наконец произнесла она, после чего быстро вскочила и отошла подальше от тела. — Действовали грубо, но сработало.

Она с опаской покосилась на толпу, словно боялась невзначай оскорбить кого-нибудь и нарваться на неприятности.

— Превосходно, — тихо проговорил Кент. Потом уже громче напыщенно добавил: — Мы долго ждали этого дня, дети мои. Глубинный милостиво терпел, и сегодня первый из трех отправится к его недрам. Да последуют за ним еще двое!

— Да последуют еще двое! — хором откликнулась толпа.

Все, кроме Эверли, которая сжала губы в тонкую жесткую линию.

— Слуга, отнеси жертву к шахте, — велел Кент.

Слуга. Да чтоб ты сдох! Или хотя бы подавился собственным языком!

— Иеремия пойдет с тобой. Это его жертва, пусть он преподнесет ее в дар.

Из толпы выступил силуэт, источавший запах дешевого дезодоранта. Ну конечно — Иеремия. Эта жалкая суетливая имитация ритуала могла быть только его рук делом. Я фыркнул, но все-таки поднял обмякшее тело Маркуса и, не удостоив «наследника» взглядом, не говоря уж про слова, направился в глубь леса.

Иеремия пытался выйти вперед, однако я двигался быстрее; он отставал. Терпения у мальчишки оказалось еще меньше, чем у Кента.

— Не так быстро шевели копытами, Леон, — процедил он. — Иначе, клянусь, в следующий раз папаша оторвет тебе яйца.

— К чему такая горячность? — усмехнулся я, но шаг сбавил. Пусть идет первым, наслаждается иллюзией власти. А я пока буду разглядывать его затылок и в красках представлять, как раскрою ему голову. — Значит, ты постарался, да? Нелегко пришлось?

— Этот ублюдок пытался сбежать, — сказал Иеремия и мрачно рассмеялся. — Далеко не ушел. Визжал как сви-

нья. Знаешь, Леон, теперь я понимаю, почему тебе нравится убивать. Это же... невероятно!

Я скрипнул зубами.

— Не думай, будто понял, что такое смерть, после одной-единственной грязной бойни. Погоди, пока ваш божок проснется. Он-то покажет вам настоящую резню.

Иеремия хотел огрызнуться, но мы уже пришли.

Перед нами в тени деревьев находилась шахта «Белые сосны». Заколоченный почти сто лет назад вход был испещрен рунами, которые вырезали в потемневшем дереве, выгнали клеймом или наспех намалевали краской. Над проемом на обрывках цепи болталась металлическая табличка: «ВНИМАНИЕ: ОТКРЫТАЯ ШАХТА. НЕ ВХОДИТЬ». Землю покрывал мох, у самого входа густо росли грибы с белыми шляпками.

Камни дрожали. Деревья тревожно покачивались. В воздухе витал тяжелый чуждый запах, как от застоялой воды и гниющих водорослей. Где-то в затопленных тоннелях под ногами шевелилось древнее божество.

Я всякого повидал в своей жизни, но даже у меня по спине пробежал холодок.

— Вот, держи, — сказал я, толкнув Маркуса в руки Иеремии. Тот с визгом отскочил, и бедный Маркус шлепнулся в грязь.

— Ты что себе позволяешь?! — Голос Иеремии сорвался на фальцет. Вся уверенность тут же слетела с него. — Я не буду его трогать!

— Это твоя жертва, — пожал я плечами. — Или ты хочешь, чтобы дар вашему Глубинному сбросил в шахту демон?

Иеремия замаялся, поглядывая то на труп, то на шахту. Нервно сглотнул, дернув кадыком. Если честно, нет особой

разницы, кто именно скинет труп. Но раз уж представилась возможность подгадить Иеремии, я ее не упущу.

Наконец, скривившись от отвращения, он поднял Маркуса на руки: задача непростая, учитывая, что мертвец был почти одного с ним роста и телосложения. С трудом удерживая ношу, Иеремия побрел к шахте и остановился у входа, вглядываясь в полную темноту.

А что, если просто толкнуть его? Две жертвы по цене одной — Кент наверняка оценит.

Но я сдержался. Время для мести еще придет.

Если божок в шахте не проснется и не прикончит меня первым...

С натужным стоном Иеремия сбросил тело Маркуса в темноту. Тот с глухим стуком ударился о землю, прокатился по камням и с плеском упал в воду затопленного тоннеля. Запах соли стал резче. Поднялся ветер, зашумели деревья. Желудок неприятно сжался.

Иеремия поспешно отступил от шахты, вытирая руки о хламиду, и молча зашагал вниз по склону холма.

Я остался, глядя в темноту. Пальцы на ногах поджимались от гула снизу, череп вибрировал. Прилив завтра будет выше обычного, а деревья начнут медленно вытягивать корни из земли, словно пытаясь сбежать как можно дальше от спящей внизу твари, присутствие которой искажает саму ткань бытия.

Из темноты донесся вой, похожий на крик лисицы, но долгий и полный такой агонии, что волосы на затылке встали дыбом.

Пора уходить.

Я не хочу иметь с этой дрянью ничего общего — ни сейчас, ни когда-либо потом.

Проснулось не только древнее божество.